

Толстой Л. Н.

Истинная свобода

Толстой Л. Н. Истинная свобода // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Т. 90. М.: Гос. изд. «Художественная литература», 1958. С. 77–82.
1907 г.

Недавно я получил письмо от одного крестьянина. Он спрашивает: «Долго ли еще будут многомиллионные серые сермяги тащить перекувыркнутую телегу? Двадцатый век идет, и время тяжкое настало, льется кровь и пот обездоленных, обессиленных русских людей, а перекувыркнутая телега стоит на одном месте».

Под перевернутой телегой, которую должны тащить серые сермяги, очевидно, разумеется дурное устройство русского государства, которое поддерживается тяжелым трудом рабочего народа.

На вопрос о том, как избавиться народу от этого мучительного, бесполезного труда, я несколько лет тому назад отвечал, как умел, в статьях: «Единственное средство», «Неужели так надо?», «Где выход?», «К рабочему народу», «Одумайтесь!» и др.

Хотелось бы как можно яснее и короче ответить на этот важный и естественный, и особенно в наше время, вопрос, стоящий перед всем русским народом и всё настоятельнее и настоятельнее требующий разрешения.

Всякий знает, что тащить перекувыркнутую телегу бесполезно и трудно. И потому некоторые люди говорят: «Всё дело в том, что телега поставлена неправильно, надо поставить ее книзу колесами, и тогда всё пойдет как по маслу». Т. е. теперешнее управление государством нехорошо, надо изменить его, изменить на манер европейских государств, и тогда всё будет хорошо.

Я думаю, что эти люди нехорошо говорят. Если и поставить телегу книзу колесами, то первым делом эти самые переворачиватели насядут в нее и, не распрягая народ, заставят его везти себя. Сами они не запрягутся, а затем и переворачивают телегу, чтобы влезть в нее. А влезут в нее все переворачиватели, не миновать телеге опять перекувыркнуться. Она оттого и перекувыркивается, что в нее много насаживается. А по-моему, дело не в том, кверху или книзу стоит телега колесами, а в том, что народу и тащить-то ее совсем не надо. А то рабочие люди сами дали себя обратять, сами влезли в хомут головой, сами зашли в оглобли, сами запряглись в неладную телегу, а потом плачутся на то, что тяжело тащить.

Дело не в том, перекувыркнута ли телега, или на колесах, а в том, что надо выпрячься из нее. А для того, чтобы выпрячься, есть только одно средство.

Средство это простое и нетрудное, да только уж очень давно забыли

про него. Средство в том, чтобы жить по-божьи. А жить по-божьи значит бояться бога больше, чем исправника, губернатора, царя. Так что, когда исправник, губернатор, царь требует чего-нибудь, а бог запрещает, то слушаться не исправника, не губернатора, не царя, а бога.

Только пусть станет народ жить так, по-божьи, и останется телега, где стоит, кверху ли, книзу [ли] колесами, сама по себе, а народ будет без запряжки жить свободно – сам по себе, и не будет плакаться на жизнь, злиться, завидовать, раздражаться, как теперь, а будет только радоваться. Но только уж если жить по-божьи, то надо жить совсем по-божьи, во всех делах, а не так, чтобы только пример делать: ставить свечи, говеть, молебны служить, образа поднимать...

Жить по-божьи значит жить по евангельским заповедям.

Заповедей этих пять – они перечислены в нагорной проповеди:

Первая заповедь: «Сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду» (Мф. V, 21, 22).

Значит, запрещено не только убивать, но запрещается держать зло друг на друга. И потому не может и не должен ни один человек не только убивать другого, но и готовиться к убийству.

Вторая: «Сказано древним: не прелюбодействуй. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (ст. 27, 28).

Значит, не распутничать, а жить честно одному мужу с одной женой, и одной жене с одним мужем, и беречься всего того, что разжигает похоть.

Третья: «Еще сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй перед богом клятвы твои. А я говорю вам: не клянись вовсе» (ст. 33, 34).

Значит, нельзя человеку присягать ни на подданство царю, ни на солдатскую службу, ни на суде.

Четвертая: «Сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злему, но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему левую» (ст. 38, 39).

Значит, не отплачивать за обиду обидой, не мстить, не наказывать, не сажать в тюрьмы, не ссылать, не казнить, не участвовать в таких делах.

Пятая: «Еще сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас» (ст. 43, 44).

Значит, не считать чужие народы врагами и не делать разницы между своим народом и чужим, и не готовиться к войне, и не идти в солдаты,

чтобы воевать с чужими народами.

Только исполняй люди эти пять заповедей евангельских так же, как они исполняют теперь церковные обряды, и останется телега стоять, где стоит, и не нужно будет тащить ее. Телега ведь это богачи, чиновники, помещики, заводчики, попы, архиереи, – все те, что сами не работают, а едут на рабочем народе. Запряжка же – это подати, малоземелье, солдатство, церковные требы, нужда, фабрики, дороговизна припасов, дешевые заработки.

Подати? Да кто же будет платить их? «Если нужны мои деньги или труды на доброе дело, – скажет всякий человек, живущий христианской жизнью, – я сам принесу их, а отнять мои деньги от семьи и отдать на тюрьмы, на кандалы, на ружья, на пушки, на жалованье генералам – не могу, потому что мне этого бог не велит».

Что же касается до косвенных налогов, то кто же будет собирать их, если люди будут жить по-божьи? Всякий такой человек будет понимать, что участвовать в этом деле косвенных налогов и пошлин значит участвовать в грабеже бедных для богатых и никто не пойдет на эти должности.

Малоземелье? Да кто же караулит помещичью землю и не дает пахать ее крестьянам? И кто же пашет и обрабатывает ее на помещиков? Опять сами же крестьяне. Ведь если человек живет по-божьи, то не станет он помогать грабителю обирать соседа, и, как бы ему плохо ни было, скажет: «Не могу идти против божьего закона и помогать злым людям удерживать в свою пользу землю. Пускай голодать буду, а не пойду участвовать в деле, противном божьему закону».

Так же скажет такой человек о присяге и солдатстве. «Казните меня, – скажет такой человек, – это ваше дело. Мне всё равно умирать когда-нибудь надо; а против закона бога не могу идти. Ни царю, ни кому бы то ни было присягать не могу и не буду и в солдаты не пойду».

Так и во всех делах. Если человек живет по-божьи, не станет он скупать за бесценок скотину у бедного соседа, или дом, или землю, не станет сбивать цену у товарищей, не пойдет служить богачу, помогать ему выматывать из-за нужды душу у бедных товарищей.

А станут люди жить так, и не будет никаких ни богачей, ни помещиков, ни чиновников, ни попов, ни архиереев. Если и будут такие, так будут они сами кормиться, а народу от них уж никакой тяжести не будет.

Люди жалуются, что им дурно жить от богачей и начальства, что они разоряют и убивают их. Да кто же им велит дурно жить?

Как вошь и всякая нечисть нападает на больное тело, так и всякие богачи и начальство разводятся на дурной жизни рабочих людей. Живите хорошо, и всякая эта нечисть сама собой пропадет.

То, что всякие начальники, чиновники, помещики, попы, виноторговцы, ростовщики живут только грехами народными, видно уже из одного того, что много раз бывало во многих местах.

Живут крестьяне по-мирскому, ходят в церковь, слушаются начальства и живут каждый для себя. Каждый норовит как бы себе получше, а до других дела нет. И жизнь идет дурная: пьянствуют, распутничают, дерутся, судятся. И вдруг западет в этот народ искра божия, станет один читать Евангелие, станет понимать, станут другие слушать, и возьмутся люди жить по-божьи. Сначала немного людей, потом всё больше и больше. И тотчас переменяется вся жизнь людей. Начинают люди помогать друг другу, перестают пьянствовать, курить, распутничать, ругаться, драться, судиться. И как только где начинается такая жизнь, – тотчас же выезжают из этих деревень и попы, и ростовщики, и кабатчики.

Так было много раз в штундистских деревнях. Так было и с духоборами на Кавказе. Стали они жить по-божьи, сложили они всё имущество вместе, работали вместе, делились не по заработку, а по нужде, и не стало между ними ни бедных, ни пьяниц, ни развратников, и уехали от них все кабатчики и кулаки. И так же начальство осталось без дела.

Правда, что начальство не оставило и не оставляет в покое ни штундистов, ни духоборов, а всячески гонит, наказывает, мучает их. Но ведь гонит, наказывает, мучает оно людей за их хорошую жизнь не какой-нибудь волшебной силой, а теми же рабочими, подкупая их на это дурное дело. Так что спасение от всех бед ни в чем ином, как в жизни самого народа.

«Но, – скажут, – хорошо делать так, когда все согласны а когда не все согласны, а я один или малое число будет жить так, то начальство замучает нас». То правда, что начальство за то, что будешь угождать не ему, а богу, по головке не погладит, а может быть, и в тюрьму посадит, может и до смерти замучает; начальству нельзя иначе. То же и с Христом было, и к тому же он велел быть готовым своим ученикам.

Ведь жить по-божьи нужно не для удобной жизни, а каждый для своей души. А потому тот, кто верит в бога, в то, что жизнь в том, чтобы исполнить волю бога, – не станет оглядываться на других, так ли они живут, а будет сам жить, как ему велит бог. Кто верует в бога и его закон, тот знает, что оттого, что он исполнит волю бога, худого ни для него, ни для всех людей ничего быть не может.

Всякому дано на волю, как хочешь, так и живи: за Христом иди или за исправником. Нельзя служить богу и мамоне.

Хочешь жить по-мирскому, то не толкуй о праведной общей жизни, а устраивайся в мирской жизни сам для себя, как выгодней. А если не попал в телегу, а в хомут, не плачься. А хочешь жить по-божьи, так не думай об мирском.

Люди всё изловчатся, как бы так устроиться, чтобы жить сыто и одето и по правде. Но такого средства нет. Одно из двух: или для правды жить, или для сытости. А жить для сытости и делать вид, что живешь для правды, это самое скверное дело – лицемерие.

«Ищите царства божия и правды его, и остальное приложится вам».

Будут люди искать царства божия, жить по-божьи, и жизнь их будет хорошая. А будут люди искать каждый своего счастья, и жизнь их будет дурная.

Так что дело не в телеге, кверху или книзу она стоит колесами, а в том, чтобы жизнь была хорошая. Будет жизнь хорошая, и никто не запряжет людей ни в какую телегу. А будут люди жить дурно, не миновать тащить тяжелую телегу.

И потому я думаю, что особенно в теперешнее время народу самое нужное то, чтобы вовсе перестать думать об телеге. Кому она нужна, те пускай и переворачивают и везут ее, а народу, рабочему народу, нужно одно: не слушать всех тех пустобрехов, которые и в газетах, и в собраниях, и в книжках уверяют народ, что вот только немножко погрешить, позлиться, поубивать, пограбить людей, и телега станет на колеса и пойдет самокатом без трудов народа. Народу не верить этому надо, а надо только одно: всеми силами каждому человеку добиваться своей хорошей жизни, самому жить так, как сказано в Евангелии.

А будут хоть не все люди, а большая часть людей жить так, никто не запряжет их ни в какую телегу, и жизнь людей будет и хорошая и истинно свободная.

Познайте истину, и истина освободит вас.

Другого средства для хорошей жизни нет.

29 апреля 1907.

Ясная Поляна.

Примечания

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Статья «Истинная свобода» явилась следствием переработки статьи «Как освободиться рабочему народу?» (см. «Историю писания», стр. 371), произведенной Толстым в 1907 г.

26 апреля 1907 г. Д. П. Маковицкий записал в дневнике: «Лев Николаевич.... переработал для издания Сутковой написанную им еще в 1905 г. статью «Как освободиться рабочему народу?». Завтра хочет отослать». [294]

Н. Г. Сутковой, один из руководителей издательства «Обновление», был у Толстого 24 апреля, и, очевидно, тогда же Толстой обещал ему дать для издания свою статью и начал работу над ней.

Первая рукопись, являвшаяся, повидимому, копией статьи «Как освободиться рабочему народу?», в которую Толстой внес свои исправления, не сохранилась. Имеется лишь рукопись (зарегистрированная в описании под № 1), представляющая собой значительно переработанный текст названной статьи и носящая уже заглавие «Забывшее верное средство», затем исправленное Толстым на

«Истинная свобода».

29 апреля работа над статьей была окончена. Этим числом датирована вторая (последняя) рукопись.

Однако в издательство «Обновление» статья послана не была, так как издательство это прекратило свое существование.

При жизни Толстого статья «Истинная свобода» не была опубликована. Впервые она была напечатана в т. XIX «Сочинений графа Л. Н. Толстого», изд. 12-е, М. 1911, стр. 549–555; но по постановлению Московской судебной палаты вырезана из тома (в библиотеке Гос. музея Л. Н. Толстого в Москве сохранилось несколько экземпляров этого тома с указанной статьей). Опубликована была в 1917 г. в изд. «Трезвая жизнь» (и других; всего в 1917–1919 гг. – свыше десяти изданий).

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Машинопись. 11 лл. 4° с поправками Толстого. На обложке машинописное заглавие: «Забытое верное средство», зачеркнутое Толстым и замененное им на новое: «Истинная свобода».

После исправления 8 лл. 4° и 2 отрезка были переложены в следующую рукопись; в данной осталось 1 л. 4° и 2 отрезка.

2. Рукопись, составленная из переложённых листов рук. № 1 и копий рукой Д. П. Маковицкого с листов, оставшихся в рук. № 1. 12 лл. 4° и 2 отрезка. На обложке надпись рукой А. Л. Толстой: «Истинная свобода» (Переделка из «Как освободиться русскому народу?»). Конец апреля 1907 г.» Под текстом дата рукой Д. П. Маковицкого: «29 апр. 1907. Я. П.».

В настоящем издании статья «Истинная свобода» печатается по рук. № 2.

Сноски

294. Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки» (рукопись).